

На трущобы опускались сумерки. Разношерстные крыши, крытые потемневшей черепицей и толем, лепились друг к другу, а нелепый самострой в два-три этажа, торчащий то тут, то там, казался грубыми заплатками. Даже свет, едва пробивающийся сквозь мутные окна, струился вяло, будто сквозь вечный смог. С высоты этот бедный квартал выглядел уродливым шрамом на холемом теле сверкающего мегаполиса.

Тун Янь лениво крутил педали своего велосипеда. Заметив в тусклом свете уличного фонаря знакомую девчонку, он поначалу хотел свернуть в переулок от греха подальше, но вдруг приметил крутившегося рядом слепого. Тот, постукивая бамбуковой тростью, подобрался к ней поближе, замер и мелко затряс протянутой ладонью.

Наивная дуреха даже не задумалась: распахнула изящный ридикюль и достала крупную купюру. Настоящая покровительница сирых и убогих.

Тун Янь без лишних слов налег на педали. Велосипед пулей рванул вперед и резко, с визгом затормозил у самой обочины — в то же мгновение парень ловко выхватил банкноту прямо из девичьих пальцев.

— Тун Янь! — ахнула она, и испуг на ее лице тут же сменился искренней радостью.

Он даже не взглянул на нее. Смерив старика тяжелым взглядом, парень зло бросил:

— Слышь, старый мошенник, если за день никого не обуешь, ночью бессонница замучает?

Поняв, что лавочка закрылась, старик мигом перестал притворяться немощным. Сплюнув от досады, он зажал трость под мышкой и резво припустил прочь. Лишь добравшись до спасительного поворота в темный переулок, старый мошенник осмелился обернуться и злобно выкрикнуть:

— Мальчик из семьи Тун! В этом году у тебя противостояние великому божеству Тай-Суй, доиграешься со своим высокомерием! Накличешь беду!

Тун Янь лишь поморщился от глухого раздражения, но преследовать мерзавца не стал. Упершись одной ногой в асфальт, он небрежно оперся локтем о руль. Девчонка так и замерла на месте с открытым ртом. Парень подался вперед и помахал ладонью перед самым ее носом, заставляя опомниться:

— Эй! Земля вызывает глупышку!

Встретившись с ним глазами, девчонка мгновенно залилась густой краской.

Тун Янь насмешливо улыбнулся. Его лукавые глаза-персики в этот миг казались чертовски притягательными. Покрутив зажатую между пальцами банкноту, он хмыкнул:

— Тебя жизнь вообще ничему не учит? Сколько еще раз тебя должны обуять в этих подворотнях, чтобы ты наконец поумнела?

Е Линьлан училась с ним в одной параллели в средней школе. Ее отец поднялся на торговле сталью, и хотя семейство выбилось в люди совсем недавно, на волне шальных денег, самую девушку родители умудрились воспитать абсолютно наивной, тепличной дурочкой.

И эта наивная богатая дурочка уже не первый год сохла по Тун Яню, совершенно теряя волю от его манер несносного уличного мальчишки. Кое-как справившись с волнением, она тихо пролепетала:

— Но ведь нельзя... судить обо всех по одному обманщику. А вдруг кому-то действительно нужна помощь?

Опять двадцать пять! Видимо, именно эта непреодолимая тяга спасти сырых и убогих заставляла Е Линьлан с маниакальным упорством преследовать его все эти годы. От такого всепрощающего великодушия Тун Яню становилось не по себе. Покрепче перехватив руль, он приготовился крутить педали к дому:

— Ладно, святоша, дуй давай отсюда подбру-поздорову. Тебе в этих трущобах делать нечего.

Е Линьлан поспешно преградила ему дорогу:

— Я получила допуск к творческому конкурсу в киноакадемию!

Тун Янь опешил, решив, что это какая-то глупая шутка:

— Чего-о?

— Я буду учиться актерскому мастерству! Еще пару лет — и мы станем коллегами по цеху.

Овечка, которую обведут вокруг пальца при первой же сделке, добровольно рвалась на бойню шоу-бизнеса. Тун Янь долго молча смотрел на нее, прежде чем выдать презрительный смешок. Он спешил, пинком опустил подножку и устало спросил:

— Слушай, тебе что, нормальной человеческой жизни мало?

Е Линьлан ничуть не обиделась на его грубость:

— Через неделю мне исполняется восемнадцать. Придешь на мой праздник? Мы устраиваем гуляния в ханьфу, я и для тебя приготовила традиционный костюм...

— Некогда мне, — отрезал Тун Янь. Игнорируя протянутый пакет с одеждой, он бесцеремонно схватил девчонку за локоть и потащил в сторону проезжей части. — Пошли, у меня для тебя развлечение получше есть.

— Куда мы? — растерялась она.

Вместо ответа Тун Янь вскинул руку, тормозя проезжавшее мимо такси. Распахнув дверцу, он без лишних церемоний впихнул опешившую Линьлан на заднее сиденье.

— Тун Янь! — жалобно позвала она через стекло.

Не обращая внимания на ее умоляющий взгляд, Тун Янь придержал дверь, крикнул водителю адрес элитного квартала и просунул отнятую у старого мошенника двадцатку в щель опущенного стекла. Довольно ухмыльнувшись, он на прощание взмахнул рукой:

— Больше не притаскивайся сюда, глупышка. Мы из совершенно разного теста слеплены.

Из разного теста — в самом буквальном смысле. Разные социальные слои, разные судьбы. Им попросту нечего делать вместе.

В трущобах к чужому богатству отношение особое — завистливое и чуткое. Стоило Тун Яню неспешно доехать до дома, как выяснилось, что старый мошенник уже успел донести его матери о визите богатенькой барышни, изрядно приукрасив подробности.

В голове его матери, Тун Яньнянь, тут же выстроились бог весть какие картины. Набелив лицо дешевой пудрой, которая все равно не могла скрыть ранних морщин и пигментных пятен, она принялась наседать на сына с расспросами:

— Что за фифа к тебе притаскивалась? А ну колись, паршивец, неужто успел завлечь малолетку? Смотри у меня, нагретишь — затаскают по судам!

Тун Янь лишь отмахнулся. Схватив влажное полотенце, он умылся с дороги и, бросив на мать лукавый взгляд, кокетливо улыбнулся своей фирменной, обезоруживающей улыбкой:

— Мам, ну ты посмотри на своего сына. С моим-то лицом мне и делать ничего не надо — они сами ко мне липнут.

Яньнянь не выдержала и прыснула, отвесив ему легкий подзатыльник:

— У, шельмец мелкий!

Впрочем, в этих словах не было ни капли бахвальства. Господь действительно наградил Тун Яня редкой, ослепительной красотой. В детстве это не так бросалось в глаза, но когда к шестнадцати годам парень вытянулся, а его черты окончательно оформились, окрестные девчонки начали делать огромные крюки, лишь бы лишний раз пройти мимо их двора. И ладно бы только ровесницы. В начале года, когда мать повела его в храм на Праздник весны, за ними от самых ворот неотвязно следовал роскошный «Мерседес». Стоило Яньянь зайти в лавку за благовониями, как из салона выбралась холеная дама и принялась клеиться к парню. Мать тогда сразу все поняла по ее масляному взгляду и не на шутку перепугалась: как бы дорого та фифа ни была одета, ей явно перевалило за сорок. Тун Янь, конечно, вымахал под метр восемьдесят и успел раздаться в плечах, но ведь ему только-только исполнилось восемнадцать. Женщина совершенно не стесняясь присматривалась к юному телу, явно желая прибрать его к рукам за кругленькую сумму.

Материнское сердце все равно чуяло беду. Накрывая на стол нехитрый ужин, Яньянь строго наказала сыну:

— Тот старый мошенник божился, что девка эта вся в брендах с ног до головы ходит. Запомни раз и навсегда: чем люди богаче, тем они расчетливее. Обдерут как липку и выбросят на помойку. Живи своей головой и даже не думай пристроиться к какому-нибудь теплomu местечку за счет баб. Выброси эти глупости из головы.

Тун Янь лишь легкомысленно отмахнулся. Обаятельно ослабившись, он весело бросил:

— Да ладно тебе! С талантами твоего сына я скоро стану лучшим актером страны и принесу тебе кучу наград. Зачем мне сдались эти богачки, сам заработаю!

Разумеется, это было наглым враньем. Тун Янь прекрасно понимал свое истинное положение. В актерском ремесле красивое лицо — не более чем щедрый аванс от создателя, все равно что получить непобедимый джокер при раздаче в карты. Но кроме этой внешности у него за душой не было ровным счетом ничего. Родиться на самом дне — это судьба, а бедность — неизлечимый недуг. Один-единственный джокер погоды не делал, когда остальные карты на руках — сущий мусор, с которым партию не выиграть. Путь к славе для парня из трущоб изначально был настроен на экстремальный уровень сложности.

В прошлом году он поучаствовал в каком-то шоу талантов — так, чисто за компанию, решив попытать удачу. В итоге развлекательная компания «Юньсин» подписала с ним кабальный контракт, от которого за версту веяло рабством. И что в остатке? Да ничего. Ни единого проекта, ни единого стоящего предложения. Без крепкого тыла в этом змеином гнезде делать нечего, и если хочешь выбиться в люди, привередничать не придется. Тут не выбирают, под кого ложиться — радоваться надо, если вообще предложат теплое местечко в чужой постели.

Взять хотя бы их генерального директора, Лао Не. Тот слыл редким, прожженным старым развратником. Имея дома супругу из благородного семейства, он без зазрения совести переспал едва ли не со всеми мало-мальски известными артистами агентства, не делая различий между мужчинами и женщинами. Всякая шушера вроде Тун Яня прилюдно, конечно, воротила нос и демонстративно сокрушалась о горькой доле законной жены босса, но втайне

каждый из них спал и видел, как бы этот сладострастный старик обратил на него внимание.

Над колченогим столом сиротливо горела тусклая лампочка. Мать с сыном ужинали в гнетущей тишине, а за тонкой, обшарпанной перегородкой тихо вздыхала тяжелобольная бабушка, которая уже не первый год не поднималась с постели.

По старому телевизору бубнили вечерние новости. Диктор торжественно вещал о том, что глава группы PDO Не Чжэн инвестирует колоссальные средства в их управляющую компанию. На экране замелькал залитый светом конференц-зал: высокий статный мужчина благородной внешности — очевидно, полукровка — обменивался рукопожатием с Лао Не. Сделка на астрономическую сумму была официально заключена.

Пропасть между их мирами была так велика, что у Тун Яня даже не возникало глупого чувства зависти. А вот Яньнянь заворуженно уставилась на экран:

— О, гляди, про твою контору вещают. А это что за франт рядом с вашим шефом? Чертовски хорош собой.

В этот момент камера показала мужчину крупным планом: он стоял за трибуной в безупречно скроенном строгом костюме, излучая редкое благородство и уверенность в себе. Вглядевшись в его холодные серо-голубые глаза, Тун Янь равнодушно бросил:

— Не Чжэн. Законный сынок нашего Лао Не. Считай, теперь он наш главный босс.

Мать непонимающе нахмурилась:

— Сын выкупает долю у родного отца за такие деньжищи? Да он же совсем молодой еще, и, видать, без отцовской помощи обошелся. Откуда у него столько богатства?

Законная супруга Лао Не была единственной дочерью Чжао Дунлю, могущественного магната из Юго-Восточной Азии. Не Чжэн родился с золотой ложкой во рту, так что даже без родительской помощи за его спиной стоял влиятельный клан деда по материнской линии, чье состояние превосходило капиталы Лао Не в разы.

Впрочем, сокрушаться о чужом завидном происхождении перед собственной матерью было бы верхом глупости и неблагодарности. Поморщившись, Тун Янь поспешил сменить тему:

— Да он и сам парень не промах. У нас в компании его уважают так сильно, что никто не смеет называть его просто сыном директора. Все величают его не иначе как господином Не.

Весьма влиятельная персона. Хотя, если подумать, участь у него незавидная: в офисе на каждом шагу можно наткнуться на папину подстилку, которая теоретически годится ему в мачехи. Представив эту картину, Тун Янь не сдержался и тихо хмыкнул.

"Да уж, господин Не".

Шел ветреный апрель две тысячи одиннадцатого года. Тун Яню только-только исполнилось восемнадцать. Юность была ключом, а в бесшабашной голове зрели дерзкие, грандиозные планы. Но за душой у него не было ни гроша — только эта чертова, ослепительная внешность.

В это же самое время выросший за границей Не Чжэн не пробыл на родине и двух месяцев.

Один обитал на небесах, другой копошился в грязи. Ни одна живая душа не смогла бы вообразить, что пути этих двоих когда-нибудь сойдутся.

Но у судьбы были на них свои, особые планы. И великая драма их жизней начала разворачиваться именно в этот весенний вечер.

<http://bllate.org/book/18307/1755420>